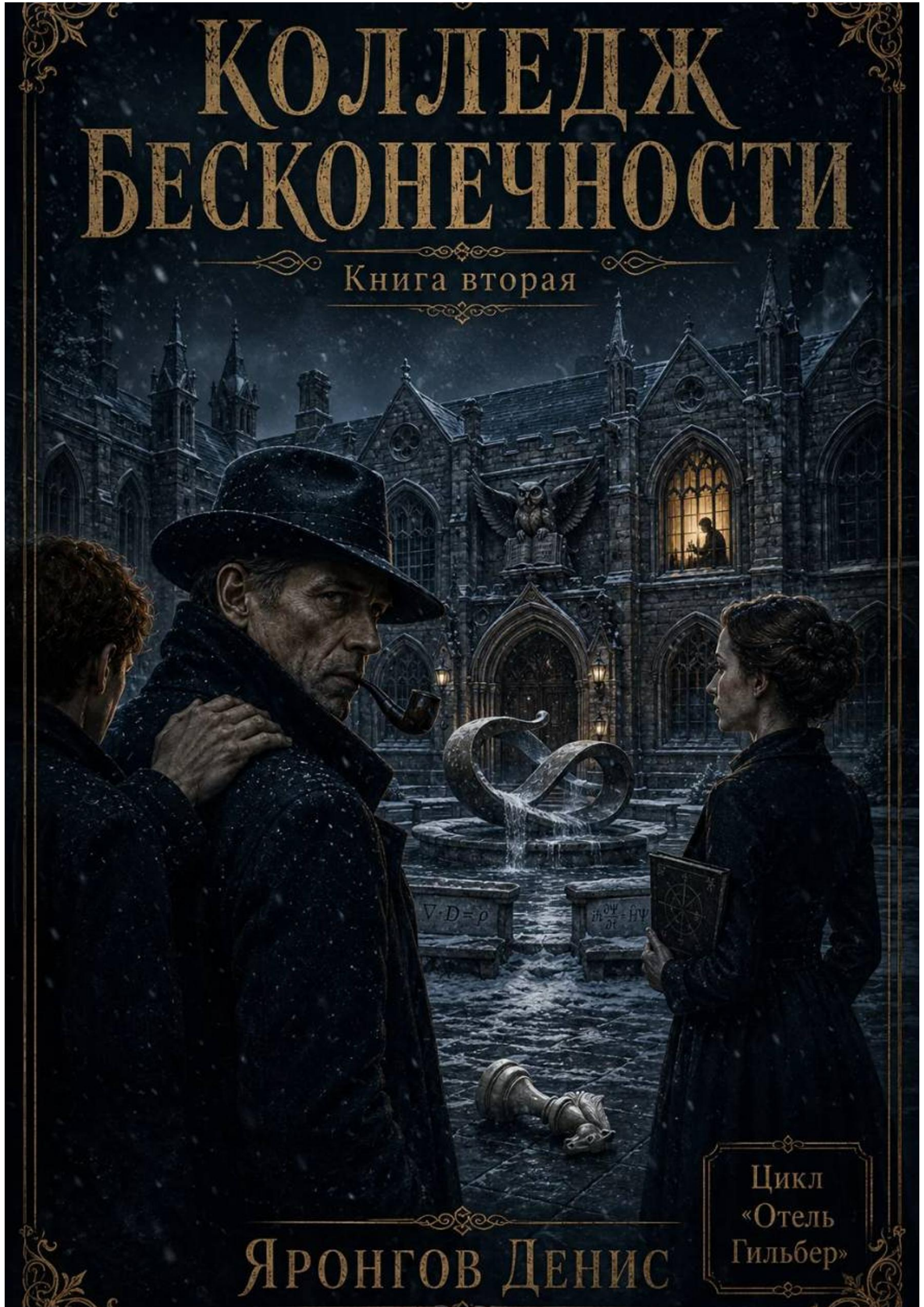

КОЛЛЕДЖ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Книга вторая

ЯРОНГОВ ДЕНИС

Цикл
«Отель
Гильбер»

Денис Яронгов

**Отель Гильберт. Книга вторая:
Колледж бесконечности**

«Автор»

2026

Яронгов Д. А.

Отель Гильберт. Книга вторая: Колледж бесконечности /
Д. А. Яронгов — «Автор», 2026

Некоторые загадки лучше не разгадывать. Некоторые двери лучше не открывать. Некоторые игры лучше не начинать. Томас Грейвз, студент оксфордского колледжа Бесконечности, усвоил это правило слишком поздно. Когда в гостиной колледжа исчезла шахматная фигура, он счёл это случайностью. Когда на лекциях заговорили о парадоксе бесконечного отеля - совпадением. Когда его наставник, бывший инспектор Скотленд-Ярда Мартин Айзен, приехал в колледж расследовать убийство жены - тревожным знаком. Теперь они втроём - ученик, детектив и девушка с томиком Кэрролла - идут по следу, который ведёт в подземный зал с гигантской шахматной доской. Кто-то играет против них. Кто-то, кто знает правила лучше. Кто-то, кто называет себя Гроссмейстером. Вторая книга цикла «Отель Гильберт».

© Яронгов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КОЛЛЕДЖ БЕСКОНЕЧНОСТИ	5
Пролог.	6
Глава 1. Студент	10
Глава 2. Тени на стенах	16
Глава 3. Белые и чёрные	21
Глава 4. Ход конём	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Денис Яронгов
Отель Гильберт. Книга вторая:
Колледж бесконечности

КОЛЛЕДЖ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Книга вторая цикла «Отель Гильберта»

«Самая опасная ложь - та, которую мы говорим себе. Особенно когда называем её правдой.»

- Элинор Айзен

Пролог.

Лондон - Оксфорд, октябрь 1925 года

В тот день, когда умерла его жена, Мартин Айзен находился в Скотленд-Ярде и спорил с инспектором Бейкером о том, можно ли считать отпечаток пальца на бутылке достаточной уликой для ареста.

Был вторник. Серый, дождливый, самый обыкновенный. За окном моросил октябрьский дождь - мелкий, въедливый, какой бывает только в Лондоне, когда осень уже перевалила за середину, а зима ещё не решила, наступать ей или подождать. Капли стучали по подоконнику, и этот звук - мерный, монотонный - был единственным, что нарушало тишину в кабинете.

Айзен курил трубку и смотрел на Бейкера. Тот держал в руках протокол допроса и хмурился.

- Отпечаток на бутылке - это не доказательство, - говорил Бейкер. - Он мог прикасаться к ней в любой момент. Они живут в одном доме.

- Он прикасался к ней в момент убийства, - ответил Айзен. - Отпечаток свежий. Он наложен поверх следа от горничной, которая протирала бутылку утром. Значит, он взял её после завтрака. А мышьяк, по заключению врача, был добавлен в чай именно после завтрака.

- Но это всё равно косвенная улика. Суд может не принять.

- Суд примет. - Айзен выпустил облако дыма. - Я дам показания. Ты дашь показания. Горничная даст показания. Этого достаточно.

Бейкер вздохнул и отложил протокол. Он знал, что спорить с Айзенем бесполезно. За те восемь месяцев, что прошли после дела в Йоркшире, бывший инспектор взялся за двадцать три расследования и раскрыл двадцать два. Одно - кража серебряного сервиза - осталось нераскрытым только потому, что сервиз, как выяснилось, никто не крал: леди, заявившая о пропаже, забыла, что сама отправила его в чистку. Айзен тогда выругался - длинно, по-полицейски, - и сказал, что эта леди отняла у него три дня жизни.

Двадцать два раскрытых дела за восемь месяцев. Это был рекорд. Газеты снова писали о нём. «Таймс» назвала его «лучшим частным детективом Англии». «Дейли Телеграф» - «человеком, который не ошибается дважды». Клиенты стояли в очереди. У него больше не было недостатка в деньгах. У него не было недостатка ни в чём - кроме времени. И кроме желания возвращаться домой.

Дом. Это было громкое слово для квартиры на Грейт-Ормонд-стрит. Три комнаты, герань на подоконнике, фотография Элинора на каминной полке - старая, ещё со дня помолвки. Он не убрал её, когда они разъехались. Просто перестал замечать. Как перестают замечать трещину на потолке или скрип половицы.

Элинора жила в Хэмпстеде - в их общем доме, который теперь был только её. Они не виделись месяцами. Иногда она звонила - спросить о счетах или о том, не нужны ли ему какие-то вещи из старого гардероба. Голос у неё был спокойным, ровным, как у человека, который научился жить без иллюзий. Айзен отвечал коротко, по делу. Он не умел говорить с ней после всего, что случилось. После дела Фэрроу. После того, как он сломался, а она - нет.

Он не знал, что она чувствовала. Он не спрашивал.

В тот вторник, около четырёх часов пополудни, в дверь кабинета постучали. Бейкер поднял голову. Вошёл констебль - молодой, бледный, с таким лицом, будто он только что увидел призрака.

- Инспектор Бейкер, сэр, - сказал он. - Телефонограмма из Хэмпстеда. Там... там тело. Женщина. В доме на Черч-роу.

- Что за женщина? - спросил Бейкер, вставая.

Констебль посмотрел на Айзена. Затем на Бейкера. Затем снова на Айзена.

- Элино́р Айзе́н, сэ́р, - сказал он тихо. - Жена инспектора Айзена.

В кабинете стало тихо. Дождь за окном продолжал стучать по подоконнику - мерно, монотонно, как часы. Айзен не шелохнулся. Трубка в его руке дымилась, но он не подносил её к губам.

- Мартин, - сказал Бейкер. - Мартин, ты слышишь?

Айзен слышал. Он слышал каждое слово. Но они доходили до него как сквозь толщу воды - медленно, искажённо, приглушённо. Он встал, положил трубку в пепельницу и взял пальто.

- Я поеду с тобой, - сказал Бейкер.

- Нет. Я сам.

- Мартин...

- Я сам, - повторил Айзен, и его голос был таким же ровным, как всегда. Но что-то в нём заставило Бейкера отступить.

Айзен вышел из кабинета, спустился по лестнице, миновал вестибюль и оказался на улице. Дождь ударил в лицо - холодный, отрезвляющий. Он поднял воротник пальто, остановил такси и назвал адрес. Больше он не сказал ни слова за всю дорогу.

Дом в Хэмпстеде был старым, кирпичным, с чёрной входной дверью и медным молотком в форме львиной головы. Они купили его пятнадцать лет назад - молодые, счастливые, полные надежд. Элино́р сажала розы в саду. Айзе́н чинил крышу. Они пили чай на веранде и строили планы.

Теперь розы завяли. Крыша протекала. А веранда была заколочена.

Айзен вышел из такси и постоял у калитки, глядя на дом. У дверей уже стоял полицейский автомобиль. Двое констеблей в плащах переминались с ноги на ногу у крыльца. Сержант, которого Айзен не знал, что-то записывал в блокнот.

Он вошёл. Его пропустили - его знали. Кто-то сказал: «Соболезную, сэ́р». Кто-то ещё - «Мы пока ничего не трогали». Айзен не отвечал.

Гостиная. Рояль у окна. Элино́р сидела за ним, откинувшись на спинку стула. Глаза закрыты. Лицо спокойно - почти умиротворённо. На ней было серое платье, которое он помнил: она надевала его на их десятую годовщину. Сто лет назад. В другую жизнь.

На шее - тонкая красная линия. След от удавки. Такой же след он видел на шее Артура Блэквуда-старшего, когда нашёл его тело в номере леди Эвелин в Йоркшире.

Айзен стоял и смотрел на жену. Он не плакал. Он не кричал. Он просто стоял и смотрел. А потом он опустил взгляд на клавиши рояля.

На клавише «до» лежал шахматный конь. Маленький, чёрный, деревянный. Не из дорогого набора - такие продают в газетных киосках за пенни. Но он был поставлен сюда намеренно. Кем-то, кто знал, что Айзен увидит его.

Ход конём. Непредсказуемый ход. Ход, который ломает все стратегии.

Айзен взял фигуру, повертел в пальцах и убрал в карман. Затем обернулся к сержанту.

- Кто нашёл её?

- Горничная, сэ́р. Она приходит раз в неделю. Пришла сегодня утром, увидела...

- Кто-то ещё был в доме?

- Нет. Дверь была заперта. Окна целы. Никаких следов взлома.

- Запертая комната, - тихо произнёс Айзен.

- Простите, сэ́р?

- Ничего. - Он ещё раз посмотрел на жену. - Продолжайте работу.

Он вышел из дома и остановился на крыльце. Дождь кончился. Небо над Лондоном было серым, как старая простыня. Где-то вдали гудел автомобиль.

Элино́р мертва. Убита. И убийца оставил ему знак.

Игра началась.

Томас Грейвз стоял у ворот колледжа Бесконечности и смотрел на старинное здание из серого оксфордского камня. Он поступил сюда месяц назад - в сентябре. Приёмные экзамены сдал ещё в июне. В августе получил письмо о зачислении. Айзен тогда хмыкнул и сказал: «Поздравляю. Не подведите их». Это была самая тёплая похвала, которую Том когда-либо от него слышал.

Он подвёл. Потому что сейчас, в середине октября, когда занятия шли уже полным ходом, он стоял у ворот и не знал, возвращаться ли ему в Оксфорд или ехать в Лондон.

Весть о смерти Элинор дошла до него вчера вечером. Он узнал от брата Генри, который работал в «Ивнинг Стандарт» и всегда узнавал новости первым. «Томми, - сказал Генри по телефону, - ты лучше сядь». Том сел. Выслушал. Положил трубку. И всю ночь просидел без сна, глядя в потолок.

Элинор. Жена Айзена. Женщина, которую он видел всего несколько раз, но которая почему-то всегда казалась ему печальной. Она была добра к нему. Однажды, когда Айзен был в отъезде, она пригласила Тома на чай - настоящий чай, с печеньем и разговорами о книгах. Она спрашивала, как ему работает с инспектором. Смеялась, когда Том рассказывал о своих промахах. И сказала тогда: «Вы хороший человек, Томас. Не дайте Мартину испортить вас».

Теперь её нет.

Том сжал ручку чемодана и принял решение. Он развернулся и пошёл к станции. Занятия подождут. Колледж подождёт. Айзен не должен быть один.

Через четыре часа он уже стоял на пороге квартиры на Грейт-Ормонд-стрит и стучал в дверь.

Айзен открыл не сразу. Он был в рубашке, без пиджака, с потухшей трубкой в руке. Его глаза были красными - то ли от дыма, то ли от бессонницы. Он посмотрел на Тома долгим взглядом, в котором не было ни удивления, ни радости, ни раздражения. Только пустота.

- Мистер Грейвз, - сказал он. Голос был хриплым, как будто он не говорил несколько дней. - Вы должны быть в Оксфорде.

- Я был в Оксфорде, сэр. Теперь я здесь.

- Зачем?

- Потому что вы не должны быть один.

Айзен посмотрел на него долгим взглядом. Затем отступил в сторону.

- Заходите. И закройте дверь.

Том вошёл. Квартира была такой же, как всегда, - и одновременно другой. Книги на полках, герань на подоконнике, фотография Элинор на каминной полке - старая, со дня помолвки, где она улыбалась, а Айзен смотрел куда-то в сторону. Но теперь всё было покрыто тонким слоем пыли. Чашка с недопитым чаем стояла на столе - чай давно остыл, и на поверхности плавала чаинка. Трубка лежала на каминной полке, рядом с фотографией, - холодная, незажжённая. Окно было закрыто, и в комнате стоял тяжёлый, спёртый воздух, как в помещении, которое не проветривали несколько дней.

На столе, рядом с чашкой, лежала шахматная фигура. Чёрный конь. Маленький, деревянный, с облупившейся краской.

Том замер. Он узнал эту фигуру.

- Откуда он у вас? - спросил он.

Айзен подошёл к столу, взял коня и повертел в пальцах.

- Из Хэмпстеда. Из нашего дома. Он лежал на рояле. На клавише «до». - Он помолчал.

- Кто-то оставил его там. Рядом с ней.

- Это конь из моего колледжа, - сказал Том.

Айзен поднял глаза.

- Что?

- Из колледжа Бесконечности. Там, в гостиной, стоит шахматная доска. Кто-то играет на ней по ночам. А неделю назад чёрный конь исчез. Я искал его - под столами, под креслами, везде. Его не было. А теперь он здесь.

Айзен долго смотрел на фигуру. Затем поставил её на стол - медленно, осторожно, как будто она была сделана из стекла.

- Расскажите мне, - сказал он. - Всё. С самого начала.

Глава 1. Студент

Оксфорд встретил Томаса Грейвза запахом старых книг и мокрого камня.

Он вышел с вокзала в первый понедельник сентября, когда лето ещё цеплялось за шпили и башни, а осень только начинала подкрадываться - рыжими пятнами на листьях каштанов, холодком по утрам, ранними сумерками. Солнце стояло высоко, но свет его был уже не летним - мягким, золотистым, как на старых голландских картинах. Том замер на ступенях вокзала, держа в одной руке потрёпанный чемодан, перевязанный бечёвкой, а в другой - томик Данте в зелёном переплёте, и смотрел на город, который должен был стать его домом на ближайшие три года.

Он никогда не видел ничего подобного. Лондон был огромным, дымным, оглушительным - городом, который никогда не спал и никогда не замолкал. Оксфорд был другим. Он был тихим, как церковь в будний день. Древние стены из серого известняка, увитые плющом, который темнел от времени. Шпили, пронзавшие небо. Мосты через реку, по которым медленно проплывали плоскодонки. Студенты в чёрных мантиях, спешащие по булыжным мостовым с книгами под мышкой. Профессора в смешных шапочках с кисточками. Велосипедисты, звонящие в звонки. Всё это было похоже на ожившую гравюру из книги, которую Том читал в детстве.

- Молодой человек, - окликнул его носильщик, пожилой мужчина с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, - вы идёте или будете стоять до Рождества?

Том вздрогнул, пробормотал извинения и двинулся вперёд. Он знал дорогу - изучил план города ещё в Лондоне, просиживая вечера в читальном зале Британского музея. Колледж Бесконечности находился в северной части города, за рекой Червелл, в стороне от туристических маршрутов и открыточных видов. Это был один из новых колледжей - основанный в 1856 году, - но построенный в стиле старых, с готическими арками и горгульями на карнизах. Том выбрал его не случайно, хотя в приёмной комиссии ему сказали, что конкурс был «значительным». Здесь читали математику так, как нигде в Англии: не как набор формул для инженеров и бухгалтеров, а как философию. Как способ понять реальность. Как язык, на котором говорит Вселенная.

Именно так говорил Айзен в той лекции 1924 года, с которой всё началось. Именно так он говорил Тому в их долгих беседах в прокуренной библиотеке на Грейт-Ормонд-стрит. «Математика - это не просто цифры, мистер Грейвз. Это способ мышления. Это умение видеть структуру там, где другие видят хаос. Это искусство находить истину, когда она спрятана за шумом». Том запомнил это наизусть. И когда пришло время выбирать университет, он выбрал колледж Бесконечности - потому что больше нигде в Англии не преподавали математику как философию.

Он прошёл по Хай-стрит, главной улице Оксфорда, мимо книжных лавок с витринами, заставленными фолиантами в кожаных переплётах, мимо кафе, из которых пахло кофе и свежей выпечкой, мимо магазина «Блэквелл», в который он пообещал себе зайти при первой же возможности, мимо Шелдонского театра с его знаменитым куполом, мимо Бодлианской библиотеки, один вид которой заставил его сердце биться быстрее. Он свернул к мосту Магдалины, и здесь город изменился. Туристы исчезли. Улицы стали уже, тише. Каштаны нависали над мостовой, роняя первые жёлтые листья. Река Червелл блестела в солнечном свете, и по ней скользили плоскодонки - студенты в соломенных шляпах лениво гребли, а девушки в светлых платьях смеялись и махали им с берега.

За мостом начинался другой Оксфорд - почти сельский, с лугами и садами. Здесь, в тени старых каштанов и дубов, и стоял колледж Бесконечности.

Ворота были коваными, с изображением змеи, кусающей свой хвост, - Уроборос, символ бесконечности. Том остановился перед ними и глубоко вздохнул. Где-то за этими стенами была его будущая жизнь. Его новые друзья. Его новые учителя. Его новые загадки.

Он поправил галстук, одёрнул пиджак и шагнул внутрь.

Внутренний двор колледжа был квадратным, как в любом уважающем себя оксфордском колледже, но на этом сходство с традиционной архитектурой заканчивалось. Газон в центре двора был выстрижен не ровным прямоугольником, а спиралью - Архимедовой спиралью, как позже узнал Том, - которая закручивалась к фонтану в центре. Фонтан был каменным, с чашей в форме ленты Мёбиуса: вода текла по её поверхности, переворачиваясь и возвращаясь к началу, и казалось, что она никогда не падает вниз. Вокруг фонтана стояли каменные скамьи, и на спинке каждой была высечена математическая формула. Том разглядел теорему Пифагора, уравнение Эйлера, тождество Гаусса.

Над входом в главное здание висела дубовая вывеска с надписью: «Collegium Infinitatis». Колледж Бесконечности. А ниже, более мелкими буквами, вырезанными с каллиграфической точностью: «Ad Aeternitatem Per Mathematicam». К вечности через математику.

- Впечатляет, правда? - раздался голос за спиной.

Том обернулся. Перед ним стоял юноша примерно его возраста - высокий, темноволосый, с острыми, почти аристократическими чертами лица и насмешливым взглядом карих глаз. Одет он был в дорогой твидовый пиджак бутылочного цвета, который сидел на нём так, как сидит одежда только у тех, кто носит её с рождения. В одной руке он держал трубку - точь-в-точь такую, как у Айзена, но новую, с ещё не обкуренным мундштуком, - а в другой - потрёпанный томик в мягкой обложке. Том успел разглядеть название: «Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна. Это было неожиданно. Витгенштейн был сложным, авангардным философом, которого мало кто читал даже в академических кругах.

- Ты, должно быть, первокурсник, - продолжил юноша. - У тебя вид человека, который ещё не понял, куда попал, но уже чувствует, что попал куда-то не туда.

- Томас Грейвз, - сказал Том, протягивая руку.

- Себастьян Моэм-Райт. - Рукопожатие было крепким, уверенным. - Не обращай внимания на фамилию. Мой отец - тот самый Моэм-Райт, текстильные фабрики, Манчестер, все дела. Но я не собираюсь торговать тряпками. Я собираюсь стать математиком. Или философом. Или кем-то, кто не имеет дела с тряпками.

- Ты читаешь Витгенштейна? - спросил Том, кивая на книгу.

- Пытаюсь. - Себастьян усмехнулся. - «О чём невозможно говорить, о том следует молчать». Отличный совет. Жаль, что он сам ему не следовал - написал ещё две книги после этой. - Он сунул томик под мышку. - Ты уже знаешь, где твоя комната?

- Восточное крыло, кажется. Второй этаж.

- Отлично. Я в западном. У меня вид на реку. У тебя, скорее всего, вид на стену. Но не расстраивайся - стена здесь историческая. Ей лет триста, и на ней, говорят, до сих пор видны следы от пуль. Здесь в Гражданскую войну стояли роялисты.

- Ты много знаешь об этом месте, - заметил Том.

- Я приехал на неделю раньше. Изучал. - Себастьян понизил голос. - И знаешь, что я выяснил? Этот колледж называют «Отелем Гильберта».

Том замер. Сердце пропустило удар.

- Почему? - спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Местная шутка. Говорят, что здесь всегда есть место для ещё одного студента, даже если все комнаты заняты. Как в том парадоксе - помнишь? - с бесконечным отелем. - Себастьян затянулся трубкой, но она погасла, и он с досадой посмотрел на неё. - Но это не просто шутка. Здесь действительно странно. Фонтан в виде ленты Мёбиуса ты уже видел. В библиотеке есть дверь без номера. В часовне - витраж, изображающий не святого, а уравнение Эйлера. А декан,

говорят, пишет книгу, которую никто не видел, но о которой все говорят. Что-то о природе бесконечности.

Том слушал, и внутри у него росло знакомое чувство - смесь любопытства и тревоги. Дверь без номера. Комната, которой нет. Бесконечность. Всё это он уже слышал. Всё это он уже видел.

- Ты в порядке? - спросил Себастьян. - Ты побледнел.

- Нет, ничего. Просто устал с дороги.

- Ну, тогда иди, распаковывай вещи. Увидимся на ужине. - Себастьян хлопнул его по плечу и ушёл, насвистывая что-то из Сен-Санса.

Том остался стоять у фонтана. Он смотрел, как вода течёт по ленте Мёбиуса - бесконечно, без начала и конца, - и думал о том, что прошлое не отпускает его. Что бы он ни делал, куда бы ни поехал, «Отель Гильберт» следовал за ним.

Комната Тома находилась в восточном крыле, на втором этаже. Она была маленькой, но уютной: кровать под балдахином, письменный стол у окна, книжная полка, небольшой камин с чугунной решёткой, на которой кто-то выгравировал формулу - Том не сразу узнал её, но потом понял: это был бином Ньютона. Окно выходило во внутренний двор - к счастью, не на стену, а на спиральный газон и фонтан. Солнце заливало комнату золотистым светом, и в этом свете плавали пылинки, как крошечные планеты в миниатюрной вселенной.

Он распаковал вещи. Рубашки - мать купила три новые, специально для Оксфорда, и он до сих пор чувствовал запах крахмала. Брюки, свитер, носки - на этот раз парные, он специально проверил. Книги. Данте - том, подаренный Айзенем. Бёртон. «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда в трёх томах - он купил их на последние деньги, потому что Айзен сказал, что это «основа всего», и Том верил ему. Несколько детективных романов - Конан Дойл, Эдгар По, Уилки Коллинз - для отдыха. И маленький, потрёпанный блокнот в кожаном переплёте, который он называл «дневником наблюдений» и в который записывал всё, что казалось ему интересным.

На дне чемодана лежала старая жестянка из-под леденцов. Когда-то в ней хранились монеты - те, что он копил на билет на лекцию в Королевское общество. Теперь она была пуста, но Том не мог её выбросить. Он поставил её на каминную полку - как напоминание. О том, с чего всё началось.

Рядом с жестянкой он поставил маленький засушенный цветок вереска. Тот самый, что он нашёл на пустошах Йоркшира, когда они с Айзенем покидали отель «Гильберт». Фиолетовые лепестки поблёкли, но всё ещё хранили слабый, едва уловимый запах. Том хранил его как талисман.

Он сел на кровать и оглядел комнату. Его комната. Его новый дом. Всё здесь было чужим, незнакомым, но в этом была своя прелесть. Никто не знал его здесь. Никто не знал, что он - тот самый Томас Грейвз, который помог Мартину Айзену раскрыть дело в Йоркшире. Здесь он был просто первокурсником. Просто студентом. Просто Томом.

В дверь постучали - три быстрых, энергичных удара. Том встал и открыл. На пороге стоял Себастьян, всё с той же погасшей трубкой в руке.

- Ты ещё не готов? Ужин через пятнадцать минут. Столовая в западном крыле. Если заблудишься - иди на запах. Сегодня подают рыбу. Здесь всегда подают рыбу по понедельникам. Это традиция. Не спрашивай, почему.

- Я почти готов. - Том схватил пиджак.

- И захвати свою книгу. - Себастьян кивнул на Данте. - На ужине принято читать. Не вслух, конечно. Просто держать перед собой. Чтобы показать, что ты интеллектуал.

- Ты серьёзно?

- Нет. - Себастьян усмехнулся. - Но ты всё равно захвати. Данте - это хороший выбор. Вызывает уважение. Увидимся внизу.

Он исчез за дверью. Том надел пиджак, поправил воротник и вышел в коридор.

Столовая колледжа Бесконечности была огромной - больше, чем можно было ожидать от сравнительно небольшого учебного заведения. Высокие сводчатые потолки, стрельчатые окна с витражами, длинные дубовые столы, способные вместить сотню человек. Стены украшали портреты великих математиков: Ньютон с яблоком в руке, Лейбниц в парике, Эйлер с добрыми, чуть усталыми глазами, Гаусс в профиль, Давид Гильберт - суровый, торжественный, с усами, как у моржа. Том задержал взгляд на портрете Гильберта. Август, владелец отеля в Йоркшире, был другим - мягче, тише, с вечной полуулыбкой, за которой пряталась тайна. Давид смотрел с портрета прямо и требовательно, как человек, который посвятил жизнь поиску истины и не терпел компромиссов.

Студенты сидели за длинными столами, разделённые по годам обучения. Первокурсники - ближе к входу, старшекурсники - в глубине зала, ближе к возвышению, где стоял профессорский стол. Том нашёл место среди первокурсников. Себастьян уже сидел там и оживлённо беседовал с соседом - худощавым, бледным юношей в очках, который, казалось, не слушал его, а читал книгу, лежавшую на коленях.

- Это Артур, - представил Себастьян. - Артур Уэллсли. Не родственник герцога, к сожалению. Зато гений. Он уже решил задачу, которую нам задали на первой лекции, за пятнадцать минут.

- За десять, - поправил Артур, не поднимая глаз от книги.

- За десять. И он скромненький. Это раздражает.

Том улыбнулся и пожал Артуру руку. Тот ответил вялым, почти незаметным пожатием и снова уткнулся в книгу. Том заглянул через плечо - это был не учебник, а томик стихов. «Песни Невинности и Опыта» Уильяма Блейка. Странный выбор для математика. Но, возможно, именно в этом и был смысл.

- Артур у нас поэт в душе, - пояснил Себастьян, перехватив взгляд Тома. - Он считает, что математика и поэзия - это одно и то же. И то, и другое - поиск структуры в хаосе.

- Это не моя мысль, - сказал Артур, переворачивая страницу. - Это мысль Гёльдерлина. «То, что остаётся, учреждают поэты». Но математики тоже учреждают. Просто их язык - не слова, а числа.

За профессорским столом сидели преподаватели - человек десять, в чёрных мантиях и шапочках. Том узнал профессора Лэнга - тот сидел с краю и что-то записывал в блокнот. Рядом с ним сидела женщина - единственная за профессорским столом, - лет сорока, с тёмными волосами, убранными в строгий пучок, и острым, внимательным взглядом. Она была одета не в мантию, а в строгий тёмно-синий костюм, и держалась с уверенностью человека, который привык, что его слушают.

- Кто это? - спросил Том шёпотом.

- Профессор Уинтерботтом, - ответил Себастьян. - Маргарет Уинтерботтом. Она преподаёт теорию игр. Говорят, она - гений. И говорят, что её лучше не злить.

Уинтерботтом. Том почувствовал, как сердце снова пропустило удар. Эта фамилия была ему знакома. Леди Эвелин из Йоркшира носила фамилию Уинтерботтом - это была её девичья фамилия. Совпадение? Или нет?

Он решил пока не думать об этом. Слишком много совпадений для одного дня.

В центре профессорского стола сидел человек, которого Том сначала не заметил, - высокий, сутулый, с копной седых волос и лицом, которое казалось одновременно молодым и старым. Ему могло быть пятьдесят, а могло и семьдесят - трудно было сказать. Глаза его были светло-голубыми, почти прозрачными, и смотрели они не на студентов, а куда-то поверх их голов, как будто он видел что-то, чего не видели другие. Он не разговаривал с коллегами, не ел, не пил - просто сидел, положив руки на стол, и смотрел в пространство.

- Декан, - прошептал Себастьян. - Доктор Маркус Уинтроп. Тот самый, о котором ходят легенды.

- Какие легенды?

- Говорят, он учился у Давида Гильберта в Гёттингене. Говорят, он написал диссертацию, которую никто не смог понять. Говорят, он не спит по ночам, а решает уравнения. Говорят, он ищет формулу бесконечности. - Себастьян усмехнулся. - Но это, конечно, слухи. Студенческие байки.

Том смотрел на декана и чувствовал странное беспокойство. В этом человеке было что-то неуловимое - какая-то отстранённость, которая могла быть как признаком гениальности, так и признаком безумия. Он напоминал Айзену - не внешне, а по сути. Та же погружённость в себя. Та же неспособность к простым человеческим радостям. Та же тень в глазах.

Декан медленно перевёл взгляд на стол первокурсников. На мгновение их глаза встретились. Том почувствовал, как по спине пробежал холодок. Затем декан отвёл взгляд - так же медленно, равнодушно, - и снова уставился в пространство.

- Жуткий тип, - сказал Себастьян. - Но гениальный. Говорят, он знает о бесконечности больше, чем кто-либо из живущих.

- Бесконечность - это опасно, - тихо сказал Том, вспоминая отель в Йоркшире.

- Что?

- Ничего. Давай есть рыбу.

Ужин прошёл в разговорах. Себастьян рассказывал о своём отце, о текстильных фабриках, о том, как он сбежал из дома в шестнадцать лет, чтобы поступить в школу с математическим уклоном, и как отец не разговаривал с ним год. Артур изредка вставлял замечания - точные, как уколы иглой, - и снова погружался в чтение. Том рассказывал о Лондоне, о библиотеке Британского музея, но старательно избегал упоминаний об Айзене и о деле в Йоркшире. Ему не хотелось, чтобы его считали героем. Или, что хуже, сумасшедшим.

Он заметил, что за соседним столом сидит девушка. Рыжеволосая, с веснушками на носу, она читала книгу и одновременно ела суп, умудряясь не пролить ни капли. На ней была чёрная мантия, как у всех студентов, но из-под мантии выглядывал яркий шотландский шарф в красную клетку. Она была единственной девушкой среди первокурсников-математиков - колледж Бесконечности начал принимать женщин всего несколько лет назад, и их всё ещё было мало.

- Кто это? - спросил Том.

- Маргарет Холл, - ответил Себастьян, понизив голос. - Из Эдинбурга. Говорят, она решила задачу Ферма.

- Задачу Ферма никто не решил.

- Значит, не решила. Но пыталась. И это уже впечатляет. - Себастьян подмигнул. - Она специализируется на топологии. Лента Мёбиуса, бутылка Клейна и всё такое. Если хочешь произвести на неё впечатление, спроси о неориентируемых поверхностях.

- Я не хочу производить впечатление.

- Конечно, не хочешь. - Себастьян усмехнулся. - Именно поэтому ты поправил галстук, когда она вошла.

Том покраснел и ничего не ответил.

После ужина они пошли в общую гостиную - небольшую комнату с камином и креслами, где студенты собирались по вечерам. Том сел в углу с томиком Данте - на этот раз не для вида, а потому что действительно хотел перечитать «Ад». Себастьян играл в шахматы с Артуром и проигрывал - Артур ставил мат на двенадцатом ходу с методичностью машины. Маргарет сидела у камина и читала «Алису в Стране чудес». Льюис Кэрролл был математиком, и его сказка была полна логических парадоксов. «Алиса» была идеальной книгой для студента колледжа Бесконечности.

Том читал Данте и краем глаза наблюдал за студентами. Близнецы Уилкинсоны - Джон и Джеймс, - которые были похожи как две капли воды, играли в карты и, кажется, жульничали. Фредерик Лоусон, староста курса, сидел с расписанием и что-то высчитывал - возможно, составлял график дежурств. Ещё несколько студентов, имён которых Том не знал, обсуждали что-то вполголоса.

Он чувствовал себя почти счастливым. Почти - потому что где-то глубоко внутри, под слоем новых впечатлений, таилась тревога. Дверь без номера. «Отель Гильберт». Уинтерботтом. Всё это не могло быть случайностью.

Глава 2. Тени на стенах

Первая неделя в колледже Бесконечности прошла как один долгий, наполненный светом день. Том вставал рано - привычка, выработанная Айзенем за месяцы ученичества, - и до завтрака успевал прочитать главу из учебника или переписать несколько страниц из Данте левой рукой. Он делал это не для ритуала, как учитель, а для тренировки: Айзен сказал ему однажды, что левая рука «думает иначе», и Том хотел понять, что это значит. Пока что левая рука просто писала коряво и медленно, оставляя на бумаге буквы, похожие на следы пьяного муравья, но он не сдавался. Он вообще редко сдавался - черта, которую он приобрёл не от природы, а от учителя.

Завтрак в столовой был скромным, почти аскетичным: овсянка, тосты, чай. Никакого серебра, никаких скатертей - просто дубовые столы, выскобленные до блеска, и тяжёлые керамические тарелки. Том садился на одно и то же место - в углу, у окна, откуда был виден спиральный газон и фонтан. Это место никто не занимал - то ли из уважения к его привычке, то ли потому что оно было неудобным (от окна дуло), - но Тому было всё равно. Ему нравилось смотреть, как вода течёт по ленте Мёбиуса, бесконечно переворачиваясь и возвращаясь к началу. Это напоминало ему о том, что истина - это не точка, а процесс.

Себастьян обычно присоединялся к нему, принося с собой трубку (которую он так и не научился раскуривать), газету (которую он никогда не читал, а держал для вида) и шутки (которые были смешными через раз, но он всё равно смеялся над ними сам). Артур сидел напротив и читал - он мог читать за завтраком, за обедом, за ужином и даже на ходу, ни разу не споткнувшись и не налетев на стену. У него была фотографическая память на числа, но, как он сам признался однажды, он не мог запомнить лицо собственной матери. «Числа не предают», - сказал он тогда, и в его голосе прозвучала такая печаль, что Том не стал переспрашивать.

На четвёртый день Себастьян отложил трубку и посмотрел на Тома с выражением человека, который собирается поделиться важным открытием.

- Знаешь, что я понял? - спросил он.

- Что трубка не раскуривается без табака?

- Нет, не это. Хотя да, это тоже. - Себастьян достал из кармана кисет и начал набивать трубку. - Я понял, почему колледж называют «Отелем Гильберта». Дело не только в том, что здесь всегда есть место для нового студента. Хотя это тоже правда - в прошлом году, говорят, было на пять человек больше, чем комнат, и все разместились. Но главное в другом. Здесь никто не исчезает. Ты заметил? Никто не бросает учёбу. Никто не переводится в другой колледж. Никто не умирает. Студенты, которые поступают сюда, остаются здесь до выпуска. Все до единого. Процент отсева - ноль. Такого нет ни в одном другом колледже Оксфорда. Я узнавал.

Том отложил ложку.

- Ноль? Ты уверен?

- Абсолютно. - Себастьян наконец раскурил трубку и выпустил облако вишнёвого дыма. - Я провёл в библиотеке три часа. Поднял архивы за последние десять лет. Ни одного отчисления. Ни одного перевода. Ни одной смерти. Все, кто поступил, - закончили. Как будто колледж не отпускает своих студентов.

- Или как будто кто-то следит за тем, чтобы они оставались, - тихо сказал Том.

- Именно. - Себастьян прищурился. - Ты веришь в совпадения?

- Нет.

- Я тоже. - Он затянулся трубкой. - Есть ещё кое-что. Я поговорил с одним старшекурсником - он изучает архитектуру колледжа. Говорит, что план здания не совпадает с реально-

стью. Есть комнаты, которых нет на чертежах. И есть коридоры, которые на чертежах есть, а в реальности - тупик. Как будто кто-то намеренно запутал планировку.

Том вспомнил Йоркшир. Дверь без номера. Потайной ход. Комнату, которой не было в плане.

- Ты сказал - «Отель Гильберта». Откуда ты узнал это название?

- Местная легенда. Говорят, что основатель колледжа учился у самого Давида Гильберта. И что он построил колледж как дань уважения учителю. Но есть и другая версия - что он построил его как эксперимент. Что-то связанное с бесконечностью. С парадоксами. С исчезновениями. - Себастьян пожал плечами. - Студенческие байки, наверное. Но всё равно интересно.

Том записал это в блокнот: «Нулевой отсев. План не совпадает с реальностью. Основатель учился у Гильберта». Три факта. Три ниточки, которые требовали объяснения.

Лекции начались на следующий день после приезда. Их было много - больше, чем Том ожидал. Математический анализ, теория чисел, основания геометрии, философия логики, история математики. Преподаватели были разными - одни говорили монотонно, усыпляя аудиторию, другие расхаживали по кафедре и жестикулировали так, словно находились на театральной сцене. Но всех их объединяло одно: они говорили о математике не как о науке, а как о философии. Как о способе понять реальность. Как о языке, на котором говорит Вселенная.

Профессор Лэнг, читавший философию математики, был лучшим из них. Он говорил тихо, почти шёпотом, и в аудитории, вмещавшей пятьдесят студентов, стояла такая тишина, что было слышно, как скрипят перья. Лэнг никогда не повышал голоса, никогда не повторял сказанного дважды и никогда не отвечал на вопросы, которые считал глупыми. Он был похож на Айзена - не внешне, а по сути. Та же отстранённость, та же погружённость в себя, та же способность видеть структуру там, где другие видели хаос. Но было в нём и что-то другое - какая-то тень, какая-то недосказанность, которая заставляла Тома нервничать.

- Реальность, - говорил Лэнг, расхаживая перед доской, - это не то, что мы видим. Реальность - это то, что мы можем описать. А описать мы можем далеко не всё. Между нашим описанием и миром всегда есть зазор. И в этом зазоре прячется истина.

Он остановился и посмотрел на студентов.

- Представьте себе отель. В нём бесконечное число номеров, и все они заняты. Приходит новый гость и просит комнату. Администратор говорит: «Конечно, сэр. Подождите минуту». Он переселяет гостя из первого номера во второй, из второго - в третий, из третьего - в четвёртый, и так до бесконечности. Первый номер освобождается. Новый гость заселяется. Все довольны.

Лэнг обвёл аудиторию взглядом.

- Это - парадокс Гранд-отеля Гильберта. Математическая шутка. Но, как и любая хорошая шутка, она содержит в себе зерно истины. Истина же состоит в том, что бесконечность ведёт себя не так, как конечные числа. В бесконечности часть может быть равна целому. В бесконечности добавление не увеличивает, а вычитание не уменьшает. В бесконечности один плюс один не равно двум.

Он помолчал, давая студентам время записать.

- А теперь представьте, что наша реальность - это бесконечный отель. Что мы все - гости в нём. Что кто-то может добавить нового человека - и никто не заметит. Или убрать существующего - и никто не вспомнит. Как в математике. Как в уравнении.

Том перестал писать. Он смотрел на Лэнга и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Профессор только что описал - почти дословно - то, что произошло в Йоркшире. Люди исчезали. Реальность перестраивалась. И никто не замечал.

Откуда Лэнг знал? Или это было просто совпадением? Или - и эта мысль была самой тревожной - Лэнг был одним из тех, кто знал об этом намеренно?

- Вопросы? - спросил Лэнг.

Том поднял руку, не успев подумать. Рука взлетела сама - инстинктивно, как у солдата, который отдаёт честь.

- Мистер Грейвз.

- Профессор, - сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, - а что, если кто-то применит этот парадокс на практике? Не в математике - в реальности. Что, если кто-то попытается добавить или убрать человека из нашего мира? Теоретически, конечно.

В аудитории стало тихо. Настолько тихо, что Том услышал, как Себастьян, сидевший рядом, задержал дыхание. Артур оторвался от книги и впервые за всё время посмотрел на Тома с интересом.

Лэнг долго молчал. Его лицо, обычно бесстрастное, изменилось - на нём промелькнуло что-то, что Том не смог расшифровать. Удивление? Настороженность? Страх? Затем он снял очки и начал протирать их платком - медленно, методично, как человек, который пытается выиграть время.

- Это очень... необычный вопрос, мистер Грейвз. - Он надел очки и посмотрел на Тома пристально, оценивающе. - Что именно вы имеете в виду?

- Ничего конкретного. Просто теоретический вопрос.

- Теоретический. - Лэнг повторил это слово так, словно пробовал его на вкус. - Что ж, в теории возможно всё. Но на практике - реальность не подчиняется математическим законам. Реальность - это не уравнение. Реальность - это то, что сопротивляется описанию. Именно поэтому математика - это только язык, а не сама реальность. - Он помолчал. - Есть ли у вас другие вопросы?

Том покачал головой. Лэнг кивнул и продолжил лекцию, но что-то в его поведении изменилось. Он больше не смотрел в сторону Тома. Он избегал его взгляда.

Когда лекция закончилась, Том собрал свои записи и направился к выходу. Но у двери его остановил голос Лэнга:

- Мистер Грейвз, задержитесь на минуту.

Себастьян бросил на Тома вопросительный взгляд. Том кивнул: «Иди, я догоню». Себастьян вышел, и Том остался в пустой аудитории наедине с профессором.

Лэнг стоял у доски, стирая формулы. Он не оборачивался, когда говорил:

- Ваш вопрос, мистер Грейвз, был не случаен. Вы говорили так, словно имели в виду что-то конкретное. Что-то, что вы видели или слышали.

- Это был просто вопрос, профессор.

- Нет. - Лэнг повернулся. - Это не был «просто вопрос». Я преподаю уже двадцать лет, и за это время никто - никто - не задавал мне такого вопроса. А вы задали. На первой же неделе. - Он подошёл ближе. - Кто вы, мистер Грейвз?

Том почувствовал, как кровь прилила к щекам.

- Я студент. Первокурсник.

- Вы - не просто студент. - Лэнг смотрел на него в упор, и в его глазах читалось не любопытство, а тревога. - Я не знаю, что вы знаете и откуда вы это знаете. Но я дам вам совет: будьте осторожны. В этом колледже есть люди, которые не любят, когда задают такие вопросы.

- Какие люди?

- Я сказал достаточно. - Лэнг отвернулся. - Идите, мистер Грейвз. И постарайтесь больше не привлекать к себе внимания.

Том вышел из аудитории с колотящимся сердцем. Он получил не ответ, а предупреждение. И это было хуже.

Вечером того же дня Том сидел в общей гостиной и делал вид, что читает Данте. На самом деле он не мог сосредоточиться. Слова Лэнга крутились в голове, как заезженная пластинка: «В этом колледже есть люди, которые не любят, когда задают такие вопросы». Какие люди?

Что они могут сделать? И почему Лэнг, который явно знал больше, чем говорил, отказался отвечать?

- Ты сегодня сам не свой, - заметил Себастьян, подсаживаясь к нему. - Что сказал Лэнг после лекции?

- Ничего особенного. Спросил, откуда у меня такой интерес к парадоксу.

- И что ты ответил?

- Сказал, что просто любопытно.

- И он поверил?

- Нет. - Том закрыл книгу. - Он не поверил.

Себастьян задумался.

- Знаешь, я тоже заметил кое-что странное. После твоего вопроса Лэнг изменился. Он стал нервничать. Ты заметил, как он тёр очки? Это признак волнения. Мой отец говорит, что люди, которые много трут очки, обычно что-то скрывают.

- Твой отец - текстильный магнат, а не психолог.

- Одно другому не мешает. - Себастьян затыкнул трубку. - В любом случае, ты наступил на какую-то мозоль. И теперь Лэнг будет за тобой следить.

- Думаешь?

- Уверен. Я бы на его месте следил.

Том обвёл взглядом гостиную. У камина Маргарет Холл читала «Алису в Стране чудес» - книгу, которая с каждым днём казалась Тому всё более уместной в этом месте. Близнецы Уилкинсоны играли в шахматы - или, точнее, Джон играл, а Джеймс давал советы, которые Джон игнорировал. Фредерик Лоусон, староста, сидел в углу с кипой бумаг. Артур, как всегда, читал.

Никто не смотрел на Тома. Но ему казалось, что все смотрят. Что все знают. Что все ждут.

- Пойду пройдуся, - сказал он.

- В такой холод? На улице дождь.

- Я ненадолго.

Он вышел из гостиной, спустился по лестнице, пересёк внутренний двор. Дождь был мелким, почти невидимым, но холодным - октябрь в Оксфорде был неласков. Фонтан журчал в темноте. Лента Мёбиуса блестела в свете фонарей.

Том подошёл к фонтану и остановился. Он думал о том, что колледж, который должен был стать его убежищем, превращался в загадку. Что люди здесь были не теми, кем казались. Что вопросы, которые он задавал, могли быть опасными.

И он думал об Айзене. О том, что учитель, наверное, сейчас сидит в своей квартире на Грейт-Ормонд-стрит, курит трубку и переписывает левой рукой страницу из «Анатомии меланхолии». И не знает, что его ученик вляпался во что-то.

Том достал из кармана засушенный вереск - талисман из Йоркшира - и повертел в пальцах. Затем положил обратно и пошёл в свою комнату.

В ту ночь ему приснилась леди Эвелин. Она сидела в зимнем саду отеля «Гильберт» и улыбалась. «Вы думали, что всё закончилось, мистер Грейвз? - говорила она. - Но отель - это не здание. Отель - это идея. А идеи не умирают».

Он проснулся в холодном поту и долго лежал, глядя в потолок. За окном шёл дождь.

Следующая неделя прошла без происшествий. Том старательно избегал Лэнга - не потому что боялся, а потому что не хотел новых вопросов. Он сидел на лекциях, делал домашние задания, гулял по городу. Он подружился с Маргарет Холл - настолько, насколько можно подружиться с человеком, который предпочитает книги людям. Она дала ему почитать «Алису в Стране чудес» с математическими комментариями, и Том провёл несколько вечеров, расшифровывая логические парадоксы, которые Льюис Кэрролл спрятал в своей сказке.

- Кэрролл был математиком, - объясняла Маргарет. - Он писал «Алису» как сатиру на современную ему математику. Чеширский Кот - это парадокс. Он исчезает, оставляя только улыбку. Это невозможно в реальном мире, но возможно в логике. Как парадокс Гранд-отеля Гильберта.

- Ты знаешь о парадоксе Гильберта?

- Конечно. Его все здесь знают. - Она посмотрела на Тома. - Говорят, ты задал Лэнгу вопрос, который его напугал. Это правда?

- Я просто спросил, можно ли применить парадокс на практике.

- И он испугался?

- Не знаю. Но он разозлился.

Маргарет задумалась.

- Лэнг - странный человек. Он знает больше, чем говорит. Но он не единственный. Здесь все профессора - странные. Декан - самый странный из них. Ты видел его когда-нибудь?

- Только на церемонии.

- Он почти не выходит из кабинета. Говорят, он работает над какой-то книгой. Что-то о природе чисел. Что-то, что может изменить всё. - Она понизила голос. - А ещё говорят, что он знал твоего учителя.

Том замер.

- Моего учителя?

- Ну да. Мартина Айзена. Ты же его ученик, верно? - Она улыбнулась. - Об этом все знают. Твоё вступительное эссе - о парадоксе Гильберта, с практическими примерами. Ты думал, что никто не догадается?

Том почувствовал, как краснеет.

- Я не хотел, чтобы об этом знали.

- Слишком поздно. - Маргарет пожала плечами. - В этом колледже секретов нет. Вернее, есть - но они становятся известны всем очень быстро.

Том вышел из гостиной с тяжёлым чувством. Его секрет был раскрыт. Все знали, что он - ученик Айзена. Все знали, что он был в Йоркшире. И все - включая Лэнга, включая декана - теперь смотрели на него иначе.

Он написал Айзену письмо в тот же вечер. Он не упомянул о Лэнге, о декане, о странностях колледжа. Он просто написал, что скучает и что учёба идёт хорошо. Но между строк, как он надеялся, Айзен прочтает: «Мне нужна помощь. Я не знаю, что делать».

Ответ пришёл через три дня. Айзен писал: «Мистер Грейвз, рад, что вы не забываете о занятиях. Помните: истина - это не то, что вам говорят. Истина - это то, что вы находите сами. Не позволяйте никому запугать вас. Ваш М. А.»

Глава 3. Белые и чёрные

Октябрь в Оксфорде был месяцем туманов. Они приходили с реки по утрам - густые, белёсые, почти осязаемые, - и окутывали город так плотно, что шпили колледжей исчезали, а звуки становились приглушёнными, как сквозь вату. Том полюбил эти утра. Он выходил из колледжа в шесть, когда солнце ещё не встало, и шёл вдоль реки Червелл, мимо спящих плоскодонок, привязанных к причалам, мимо каштанов, ронявших последние листья в тёмную воду, мимо старой каменной церкви Святого Креста, которая, по легенде, была построена на месте языческого капища, где друиды приносили жертвы своим богам. В такие часы город принадлежал только ему - и ещё нескольким чудачкам, которые, как и он, предпочитали одиночество суете.

Он проходил по мосту Магдалины, где в это время обычно стоял один и тот же рыбак - старик в потрёпанной твидовой шляпе, который никогда ничего не ловил, но всегда был там. «Клюёт?» - спрашивал Том. «Всегда клюёт, - отвечал старик, не оборачиваясь. - Просто не всегда ловится». Это было похоже на притчу, и Том запомнил её. Потом он сворачивал на Хай-стрит, где уже открывались первые лавки, и булочник выставлял на витрину свежие булочки с корицей. Запах корицы смешивался с запахом тумана и речной воды, и этот аромат Том навсегда связал с Оксфордом.

Но та прогулка, о которой пойдёт речь, была другой.

Том вышел из восточного крыла в четверть седьмого, как обычно. Двор был пуст - только фонтан журчал в центре, и вода текла по ленте Мёбиуса, бесконечно переворачиваясь и возвращаясь к началу. Туман был особенно густым, и Том почти не видел противоположной стороны двора. Он прошёл мимо фонтана, мимо каменных скамей с высеченными формулами - теорема Пифагора, уравнение Эйлера, тождество Гаусса, - и вдруг заметил что-то краем глаза.

У восточной стены, в тени старого дуба, кто-то стоял. Человек в длинном тёмном пальто. Он стоял неподвижно, глядя на фонтан. Том не видел его лица - только силуэт, размытый туманом.

- Доброе утро, - сказал Том.

Человек повернул голову - медленно, словно нехотя. На мгновение Тому показалось, что он узнаёт эти черты: высокий лоб, седые виски, очки в золотой оправе. Декан? Но декан никогда не выходил во двор в такую рань. По крайней мере, так говорили студенты.

Человек ничего не ответил. Он отступил на шаг - в тень дуба, - и туман сомкнулся за ним. Когда Том подошёл ближе, у стены уже никого не было.

Том постоял минуту, вглядываясь в туман. Затем пожал плечами и пошёл к воротам. «Может быть, показалось», - подумал он. Но вечером, вернувшись в комнату, он записал в блокнот: «Человек у восточной стены. Рано утром. Тёмное пальто. Возможно, декан. Ушёл, когда я приблизился».

К концу третьей недели Том начал замечать странности. Не такие, как в Йоркшире - там всё кричало об опасности с первого дня. Здесь было иначе. Здесь странности были тихими, почти незаметными. Как тени, которые движутся краем глаза. Как звуки, которые исчезают, стоит прислушаться.

Первая странность касалась профессора Лэнга. Он читал философию математики - предмет, который Том любил больше всего. Лэнг говорил тихо, почти шёпотом, но каждое его слово падало в тишину аудитории, как камень в воду, и расходилось кругами смысла. Он рассказывал о парадоксах, о бесконечности, о пределах познания. Том слушал, затаив дыхание. Но однажды он заметил, что Лэнг избегает его взгляда. На лекциях профессор смотрел на кого угодно - на доску, на потолок, на свои руки, - но не на Тома.

Вторая странность касалась профессора Уинтерботтом. Она вела теорию игр - предмет, который был обязательным для всех первокурсников. Её лекции проходили по средам и пятницам в аудитории номер три, и на них всегда было тихо. Уинтерботтом была единственной женщиной-профессором в колледже, и ходили слухи, что она получила эту должность не без борьбы. Она была строга, холодна, требовательна. Но Том заметил, что иногда она смотрит на него дольше, чем на других. На секунду-другую дольше. Как будто хочет что-то сказать - но не говорит.

Однажды, после лекции, Том задержался у доски, переписывая формулы. Аудитория уже опустела, и он думал, что он один. Но Уинтерботтом всё ещё была там - она собирала бумаги за своим столом. Она не смотрела на него. Но, проходя мимо, она сказала - тихо, почти шёпотом:

- Вы задавали профессору Лэнгу вопрос о парадоксе Гильберта. Интересно, почему?

Том не знал, что ответить.

- Просто любопытно, - сказал он.

- Любопытство - это хорошо. - Она поправила очки. - Но в некоторых случаях оно может быть опасным.

И вышла, не дожидаясь ответа.

Том остался стоять у доски. Он думал о том, что профессор знает. Что она имела в виду. И почему она сказала это именно ему.

Лекция по теории игр в среду была посвящена дилемме заключённого. Том готовился к ней заранее - прочитал главу в учебнике, сделал заметки, - но то, что говорила Уинтерботтом, выходило далеко за пределы учебника.

- Представьте, - начала она, расхаживая перед доской, - что вы и ваш сообщник арестованы. Полиция не может доказать вашу вину, но может доказать меньшее преступление. Вас допрашивают в разных комнатах. Каждому предлагают сделку.

Она нарисовала на доске таблицу - четыре клетки, четыре исхода.

- Если вы оба молчите - вас сажают на год за мелкое нарушение. Если вы оба предаёте друг друга - на пять лет. Если один предаёт, а другой молчит - предатель выходит на свободу, а молчащий получает десять лет.

Она положила мел и повернулась к аудитории.

- Что бы вы сделали?

Студенты зашевелились. Себастьян, сидевший рядом с Томом, поднял руку.

- Я бы молчал, - сказал он. - Потому что если мы оба будем молчать, мы получим всего год.

- Это благородно, - ответила Уинтерботтом. - Но не рационально. Подумайте: если ваш сообщник предаст вас, вы получите десять лет. А он выйдет на свободу. Готовы ли вы рискнуть десятью годами ради благородства?

- Нет, - признался Себастьян.

- Вот именно. Рациональный выбор - предательство. С точки зрения математики, предательство всегда выгоднее. Если ваш сообщник молчит - вы выходите на свободу. Если он предаёт - вы получаете пять лет вместо десяти. Предательство - доминирующая стратегия.

Она сделала паузу.

- Но вот парадокс. Если оба игрока действуют рационально, оба предают друг друга. И оба получают по пять лет. А могли бы получить по году. Рациональность приводит к худшему результату. Вот в чём суть дилеммы.

Она прошлась по аудитории, и её каблуки стучали по деревянному полу - мерно, ритмично, как метроном.

- Теперь представьте, что вы играете в эту игру не один раз, а много. Вы знаете, что завтра снова встретитесь с этим человеком. Послезавтра - тоже. Ваш выбор сегодня влияет на

его выбор завтра. Это уже не одиночная игра. Это повторяющаяся игра. И в ней оптимальная стратегия - не предательство.

- А какая? - спросила Маргарет Холл.

- Сотрудничество. - Уинтерботтом остановилась. - В повторяющейся игре выгоднее сотрудничать, пока другая сторона сотрудничает. И наказывать, если она предаёт. Это называется «око за око». Простая стратегия. Но она работает.

Она посмотрела на аудиторию.

- Мы все играем в эту игру. Каждый день. С друзьями, с коллегами, с незнакомцами. Доверять или предать? Ответ зависит от того, что вы знаете о другом игроке. И от того, сколько раз вы с ним ещё встретитесь.

Том записывал каждое слово. Но в середине лекции он отвлёкся - и заметил кое-что странное. На стене, рядом с портретом Давида Гильберта, висели ещё два портрета. Один - Ньютон с яблоком, это он уже видел. Второй - человек, которого Том не узнал. Молодой, с острыми чертами лица, в профессорской мантии. Под портретом была табличка: «Сэр Генри Уинтроп. Основатель колледжа. 1820–1898».

Том смотрел на портрет и не мог отделаться от мысли, что он где-то видел это лицо. Не здесь. Где-то ещё.

После лекции он подошёл к портрету ближе. Что-то было в нём знакомое - в изгибе бровей, в форме подбородка. Он вспомнил фотографию, которую видел в газетах: Давид Гильберт со своими учениками. Среди них был человек, чьё лицо было зачёркнуто. И ещё один - молодой, с острыми чертами. Генри Уинтроп.

- Что ты там рассматриваешь? - спросил Себастьян, подходя сзади.

- Портрет основателя. Ты знал, что он учился у Давида Гильберта?

- Конечно. Это все знают. - Себастьян пожал плечами. - Он был одним из его лучших учеников. Но потом они поссорились. Из-за чего - никто не знает. Говорят, что Уинтроп украл у Гильберта какую-то идею. Или наоборот. Темная история.

В пятницу вечером Том сидел в гостиной и читал «Алису в Стране чудес» - книгу, которую дала ему Маргарет. Она сказала, что это не просто сказка, а математическая сатира, и Том теперь видел это на каждой странице. Чеширский Кот, который исчезает, оставляя только улыбку, - это же парадокс! «Как можно видеть улыбку без кота?» - спрашивала Алиса. И правда - как? В реальности такое невозможно. Но в математике - возможно. В математике часть может существовать без целого.

Он дочитал до сцены с Безумным чаепитием - ещё одна математическая шутка, завязанная на теории множеств, - когда заметил, что шахматный столик в углу изменился.

Том закрыл книгу и подошёл ближе. Он начал следить за партией несколько дней назад, но всё ещё не понимал её до конца. Артур показал ему основы: как ходят фигуры, что такое дебют, что такое миттельшпиль. Но партия, которая разворачивалась на этой доске, была сложнее всего, что Том видел. Это была не учебная игра. Это было сражение.

Сегодня был сделан новый ход. Белые сдвинули ферзя на h5. Агрессивный ход. Угроза мата. Чёрные ещё не ответили - была их очередь.

Том сел на стул напротив доски и попытался представить, что будет дальше. Он думал о дилемме заключённого, о которой говорила Уинтерботтом. О сотрудничестве и предательстве. О том, что каждый ход имеет последствия.

- Кто же ты? - прошептал он, глядя на чёрные фигуры.

Ответа не было.

В тот вечер он ушёл из гостиной последним. И когда он закрывал за собой дверь, ему показалось, что в темноте, за шахматным столиком, кто-то сидит. Неподвижно. Молча. Как тень.

В субботу утром Том спустился в гостиную раньше обычного. Ему нужно было проверить доску.

Партия продолжалась уже неделю. Каждую ночь кто-то приходил и делал ход. Белые и чёрные двигались по очереди, и Том записывал позиции в блокнот, пытаясь понять, кто выигрывает. Сегодня была очередь чёрных - они должны были ответить на агрессивный выпад белого ферзя.

Но когда Том подошёл к столику, он замер.

Чёрного коня не было.

Он исчез. Не был сбит - на доске не было белой фигуры на его месте. Не был сдвинут в сторону - на столике вокруг доски было пусто. Он просто исчез. Как будто его никогда не существовало.

Том огляделся. В гостиной было пусто. Камин потух. Утренний свет падал на доску, и пустое место, где должен был стоять чёрный конь, зияло, как выбитый зуб.

Он проверил под столом. Проверил под креслами. Проверил за каминной решёткой. Ничего.

Конь исчез.

Том сел на стул напротив доски и долго смотрел на пустое место. Он думал о том, что сказал Артур: «Конь - самая странная фигура. Он не ходит по прямой. Он всегда делает неожиданный ход». И о том, что говорил Айзен: «Ход конём - это ход, который ломает все стратегии».

Кто-то взял коня. Кто-то, кто хотел что-то сказать.

Но что?

Он просидел так до тех пор, пока в гостиную не начали спускаться другие студенты. Себастьян, увидев его лицо, спросил:

- Что случилось?

- Конь, - сказал Том. - Чёрный конь пропал.

Себастьян посмотрел на доску. Потом на Тома. Потом снова на доску.

- Странно, - сказал он. - Очень странно.

Глава 4. Ход конём

Поезд прибыл на вокзал Кингс-Кросс в четверть пятого пополудни. Томас Грейвз вышел на платформу, держа в одной руке чемодан, а в другой - потрёпанный томик Данте, который он теперь повсюду носил с собой, как талисман. Лондон встретил его дождём - мелким, октябрьским, тем самым, что моросит без конца, превращая улицы в серые зеркала, а прохожих - в тени под зонтами. Пахло угольным дымом, мокрым асфальтом и жареными каштанами - этот запах Том помнил с детства, когда отец водил их с братьями на рождественскую ярмарку на Лестер-сквер.

Но в этот раз он не замечал ни дождя, ни запахов. Он шёл сквозь толпу, не видя лиц, не слыша голосов. В его голове билась одна мысль - короткая, как телеграмма, которую он получил три дня назад: «Элинора Айзен мертва. Приезжай».

Он узнал об этом от брата. Генри позвонил ему в колледж вечером пятнадцатого октября - голос его был странным, слишком ровным, как у человека, который пытается сдержать эмоции. «Томми, - сказал он, - ты лучше сядь». Том сел. Выслушал. Положил трубку. И всю ночь просидел без сна, глядя в потолок.

На следующий день он попытался уехать, но поезда не ходили - какой-то сбой на линии, технические работы. Он ждал сутки, двое, трое - и наконец, утром восемнадцатого, сел на первый же поезд до Лондона.

Теперь он стоял на платформе Кингс-Кросс, сжимая в руке чемодан, и не знал, куда идти. К Айзену? В Хэмпстед? В Скотленд-Ярд? Он не знал, где сейчас учитель. Он не знал, что делать.

Он взял такси до Грейт-Ормонд-стрит. Если Айзен где-то и был, то, скорее всего, там. В своей квартире. В своём убежище. Со своей трубкой и своей тишиной.

Улица встретила его привычной серостью. Дом номер семнадцать - тот же, что и всегда: облупившаяся краска на двери, герань на подоконнике второго этажа, мусорный бак у крыльца. Том поднялся по лестнице, стараясь не наступать на третью ступеньку - она скрипела, - и постучал в дверь.

Никто не ответил.

Он постучал снова - громче.

Тишина.

Он уже собирался развернуться и уйти, когда дверь открылась. На пороге стоял Мартин Айзен. Том едва узнал его.

На учителе была та же рубашка, что и три дня назад, - мятая, с расстёгнутым воротником. Волосы, обычно зачёсанные назад, свисали неопрятными прядями. Глаза - красные, воспалённые - смотрели куда-то мимо Тома, в пустоту коридора. Он был без трубки. Это было самое страшное. Айзен без трубки - как часы без маятника.

- Мистер Грейвз, - сказал он. Голос был хриплым, как будто он не говорил несколько дней. - Вы должны быть в Оксфорде.

- Я был в Оксфорде, сэр. Теперь я здесь.

- Зачем?

- Потому что вы не должны быть один.

Айзен посмотрел на него долгим взглядом. Затем отступил в сторону.

- Заходите. И закройте дверь.

Том вошёл. Квартира была такой же, как всегда, - и одновременно другой. Книги на полках, герань на подоконнике, фотография Элинора на каминной полке - старая, со дня помолвки, где она улыбалась, а Айзен смотрел куда-то в сторону. Но теперь всё было покрыто тонким

слоем пыли. Чашка с недопитым чаем стояла на столе - чай давно остыл, и на поверхности плавала чайинка. Трубка лежала на каминной полке, рядом с фотографией, - холодная, незажжённая. Окно было закрыто, и в комнате стоял тяжёлый, спёртый воздух, как в помещении, которое не проветривали несколько дней.

На столе, рядом с чашкой, лежала шахматная фигура. Чёрный конь. Маленький, деревянный, с облупившейся краской.

Том замер. Он узнал эту фигуру. Не мог не узнать.

- Откуда он у вас? - спросил он.

Айзен подошёл к столу, взял коня и повертел в пальцах.

- Из Хэмпстеда. Из нашего дома. Он лежал на рояле. На клавише «до». - Он помолчал.

- Кто-то оставил его там. Рядом с ней.

- Это конь из моего колледжа, - сказал Том.

Айзен поднял глаза.

- Что?

- Из колледжа Бесконечности. Там, в гостиной, стоит шахматная доска. Кто-то играет на ней по ночам. А неделю назад чёрный конь исчез. Я искал его - под столами, под креслами, везде. Его не было. А теперь он здесь.

Айзен долго смотрел на фигуру. Затем поставил её на стол - медленно, осторожно, как будто она была сделана из стекла.

- Расскажите мне, - сказал он. - Всё. С самого начала.

Том рассказывал долго. Он начал с того дня, когда приехал в Оксфорд, - с фонтана в виде ленты Мёбиуса, с вывески «Collegium Infinitatis», с первой встречи с Себастьяном, который стоял во дворе с трубкой и томиком Витгенштейна. Он рассказал о своей комнате в восточном крыле, о спиральном газоне, о каменных скамьях с высеченными формулами, о часовне с витражом, на котором вместо распятия было уравнение Эйлера. Он рассказал о лекциях - о профессоре Лэнге, который говорил о парадоксе Гильберта и испугался, когда Том спросил, можно ли применить этот парадокс на практике. О профессоре Уинтерботтом, которая вела теорию игр и говорила о дилемме заключённого с такой страстью, словно сама была одним из узников. О декане, который почти не появлялся, но чьё присутствие ощущалось повсюду - в переставленных лампах, в исчезнувших книгах, в шёпоте студентов.

И о шахматной доске. О том, как фигуры двигались каждую ночь. О партии, которая разворачивалась медленно, как вскрытие. О чёрном коне, который однажды утром просто исчез.

Айзен слушал молча. Он не перебивал, не задавал вопросов. Он просто сидел в своём кресле, положив руки на подлокотники, и смотрел на коня, стоявшего на столе между ними. Когда Том закончил, Айзен долго молчал. Затем взял трубку - машинально, по привычке, - но не закурил.

- Колледж Бесконечности, - произнёс он наконец. - Она помогала вам туда поступить. Элинора. Она написала рекомендательное письмо.

- Да, сэр. Я знаю. Я думал, что это просто жест. Она была добра ко мне.

- Она была математиком, - сказал Айзен. - До того как мы поженились. Она училась в Гёттингене. У Давида Гильберта. - Он помолчал. - Я знал это. Она рассказывала мне, когда мы только познакомились. Она говорила о бесконечности, о парадоксах, о множествах, которые содержат сами себя. Я слушал, но не слышал. Я был молодым констеблем, меня интересовали отпечатки пальцев и следы обуви, а не теория множеств. - Он горько усмехнулся. - Она пыталась говорить со мной о своей работе. А я отвечал: «Да, дорогая, конечно», - и возвращался к своим делам. Я думал, что математика - это её хобби. Как рояль. Как садоводство.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом моросил дождь. Серый, бесконечный.

- Она была членом Общества, - продолжил он. - Того самого, о котором писал Майкл Торн в своём дневнике. Того, которое построило отель «Гильберт» в Йоркшире. Леди Эвелин

была одной из них. И Элино́р - тоже. - Он повернулся к Тому. - Я узнал это только сейчас. Из её бумаг. Она хранила их в шкатулке, которую я никогда не открывал. Там были письма, записи, формулы. И список. Список людей, которые состояли в Обществе. Там было тринадцать имён. Тринадцать.

- Кто они? - спросил Том.

- Некоторых я не знаю. Но одно имя вам знакомо. - Айзен взял со стола лист бумаги и протянул Тому. - Смотрите.

Том взял лист. Это была копия - Айзен, видимо, переписал его от руки. Список из тринадцати фамилий, написанных аккуратным, каллиграфическим почерком. Некоторые были зачёркнуты - видимо, умерли или вышли из игры. Другие были обведены кружком - видимо, действующие члены.

И среди них - фамилия, которую Том видел каждый день на табличке у входа в аудиторию.

«Уинтроп. Маркус. Колледж Бесконечности, Оксфорд».

- Декан, - прошептал Том. - Декан колледжа - член Общества?

- Да. И не просто член. - Айзен указал на другую фамилию, обведённую дважды. - Смотрите. «Уинтроп. Элино́р». Она была одной из них. Она сменила фамилию, когда вышла за меня, но в Обществе её знали под девичьей.

Том почувствовал, как кровь отливает от лица. Элино́р Айзен - член тайного Общества, которое строило отели-ловушки. Женщина, которая приглашала его на чай и говорила о книгах. Которая улыбалась ему и советовала не дать Айзену испортить его.

- Значит, она знала, - сказал он. - Она знала об отеле «Гильберт». О леди Эвелин. Обо всём.

- Знала. - Айзен вернулся в кресло. - И, возможно, знала убийцу.

Они просидели до полуночи. Айзен рассказывал - медленно, с паузами, как человек, который собирает разбитую вазу и боится порезаться об осколки. Он рассказывал о том, как нашёл шкатулку в спальне Элино́р - на следующий день после её смерти. О том, как открыл её (ключ лежал в шкатулке для рукоделия, о существовании которой он даже не подозревал). О том, как читал её записи всю ночь, и каждая страница была ударом.

Элино́р была не просто членом Общества. Она была одним из его основателей. Она, Генри Уинтроп и ещё один человек - имя было зачёркнуто так густо, что невозможно разобрать, - создали его в Гёттингене, в 1905 году. Они верили, что реальность можно изменить математически. Что людей можно вычитать и прибавлять. Что мир - это уравнение, которое можно переписать.

- Но она отошла от дел, - сказал Айзен. - Когда вышла за меня. Она думала, что сможет оставить это в прошлом. Но прошлое не отпускает. Оно никогда не отпускает.

- Почему её убили? - спросил Том. - Если она отошла от дел?

- Я не знаю. Но я знаю, что этот конь, - он указал на фигуру, - оставлен не случайно. Кто-то хотел, чтобы я увидел его. Кто-то хотел, чтобы я узнал о колледже. Кто-то хотел, чтобы я начал расследование.

- Но зачем? Зачем убийце привлекать внимание?

- Это хороший вопрос. - Айзен наконец закурил трубку. Табак был сухим, но он всё равно затянулся. - Возможно, убийца хочет, чтобы я нашёл его. Возможно, это часть игры.

- Игры?

- Да. Теория игр, мистер Грейвз. Дилемма заключённого. Минимакс. Блеф. Кто-то играет со мной. Кто-то, кто знает, что я буду делать каждый следующий ход. - Он выпустил облако дыма. - И этот кто-то находится в вашем колледже.

Том вспомнил слова профессора Уинтерботтом: «Игра, в которую вас пригласили, - не на жизнь, а на смерть». Тогда он не понял их до конца. Теперь - понял.

- Что мы будем делать? - спросил он.

- Мы поедem в Оксфорд. - Айзен встал. - Вы, я и Бейкер. Завтра утром. Мы должны допросить декана. Должны узнать, кто ещё из профессоров состоит в Обществе. Должны понять, почему убили Элинора. - Он посмотрел на Тома. - Вы готовы?

- Да, сэр.

- Тогда идите спать. Завтра будет долгий день.

Том встал, но у двери задержался.

- Сэр, - сказал он, - я должен вам кое-что сказать. Там, в колледже, есть ещё кое-что странное. Шахматная партия. Она продолжается. Кто-то играет каждую ночь. И я не знаю, кто.

Айзен затянулся трубкой.

- Значит, завтра мы это узнаем.

Утро началось с дождя. Он барабанил по подоконнику с монотонной настойчивостью, и в этом звуке было что-то гипнотическое, усыпляющее. Том проснулся на диване в гостиной Айзена - учитель настоял, чтобы он остался на ночь, - и несколько минут лежал, глядя в потолок и слушая дождь. По потолку, от угла к центру, тянулась тонкая трещина - он заметил её ещё в первый свой визит, но сейчас она показалась ему похожей на шахматную диагональ. Он отвёл взгляд и сел, спустив ноги на пол.

В квартире было холодно. Камин погас ещё ночью, и никто не позаботился разжечь его снова. Том накинул пиджак и вышел в гостиную. Айзен сидел в своём кресле у камина - в том же положении, в каком Том оставил его вчера. Колени сведены, руки на подлокотниках, взгляд устремлён в пустоту. Трубка в правой руке давно погасла, но он всё ещё сжимал её, как сжимают руку умершего друга - не в силах отпустить. Том не мог сказать, спал ли учитель этой ночью. Скорее всего - нет. Скорее всего, он просидел так все три дня с тех пор, как вернулся из Хэмпстеда.

- Доброе утро, сэр, - сказал Том негромко.

Айзен не ответил. Прошло несколько секунд, затем он медленно, словно преодолевая сопротивление воды, перевёл взгляд на Тома. Глаза его были красными, воспалёнными - то ли от дыма, то ли от слёз, то ли от бессонницы. Он посмотрел на Тома так, будто видел его впервые.

- Доброе, - произнёс он наконец. Голос был сухим, как прошлогодняя листва. - Бейкер будет здесь через час. Он поведёт автомобиль.

- В Оксфорд?

- Да. В ваш колледж. - Он помолчал. - Я должен увидеть его. Увидеть место, откуда взялся этот конь.

Том кивнул. Он прошёл на кухню, поставил чайник. Заварил чай - две чашки, хотя знал, что Айзен не притронется к своей. Но ритуал был важен. Ритуал давал иллюзию нормальности. Когда чай был готов, он поставил чашку на столик у кресла Айзена. Тот не посмотрел на неё.

Бейкер прибыл ровно через час, как и обещал. Он вошёл, стряхивая дождь с плаща, и с порога оглядел комнату - профессиональным взглядом полицейского, который привык замечать детали. Том видел, как он отметил и пыль на книгах, и холодную трубку, и нетронутую чашку чая. Бейкер ничего не сказал, только едва заметно покачал головой - жест, предназначенный скорее себе, чем окружающим.

- Автомобиль у подъезда, - сказал он.

Айзен встал. Движения его были медленными, но точными - как у человека, который заставляет себя двигаться, потому что знает: если остановиться, уже не начнёшь снова. Он взял пальто - то самое, тёмное, которое всегда носил расстёгнутым, - накинул на плечи. Взял с каминной полки трубку, табак. И взял шахматного коня, завернутого в носовой платок. Конь исчез в кармане пальто.

- Идём, - сказал он.

Дорога до Оксфорда заняла три часа. Бейкер сидел за рулём полицейского «Даймлера», Айзен - на пассажирском сиденье, Том - сзади. Всю дорогу молчали. Дождь то усиливался, то ослабевал, и дворники мерно скользили по стеклу, размазывая капли в полупрозрачные веера.

Том смотрел в окно и думал. Они ехали через Лондон - мимо вокзала Паддингтон, мимо Кенсингтонских садов, где мокрые листья устилали аллеи золотым ковром, мимо Хаммерсмита с его кирпичными домами и дымящими трубами. Потом начались пригороды - сначала плотные, с бесконечными рядами одинаковых домов, затем всё более разреженные, с пустырями и фермами. Дождь размывал очертания, и мир за окном казался акварелью, которую кто-то неосторожно залил водой.

Том думал о том, как странно всё сложилось. Он ехал в Оксфорд не как студент, возвращающийся после каникул, а как участник расследования. Рядом с ним сидели два детектива - один в отставке, другой действующий, - и они ехали раскрывать убийство. Убийство женщины, которая когда-то приглашала Тома на чай и говорила, что Айзен разучился быть счастливым.

Он вспомнил тот день в мельчайших подробностях. Март 1925 года. Айзен уехал по делу в Бирмингем - какое-то запутанное мошенничество с векселями, - и Том зашёл на Грейт-Ормонд-стрит, чтобы забрать «Анатомию меланхолии», которую учитель обещал ему дать. Дверь открыла Элино́р. Она была в простом сером платье, с ниткой жемчуга на шее - той самой, что была на ней в день смерти. Она выглядела усталой, но улыбалась.

- Инспектора нет, - сказала она. - Но книга у меня. Заходите, я как раз собиралась пить чай.

Квартира тогда была другой - светлой, прибранной. Пахло лавандой и выпечкой. Элино́р усадила Тома за стол, налила чаю - настоящего, с молоком и сахаром, - и они проговорили час. Она расспрашивала его об учёбе, о планах, о том, не трудно ли ему с Айзеном.

- Он хороший человек, - сказала она тогда, помешивая чай серебряной ложечкой. - Просто он разучился быть счастливым. Он думает, что счастье - это уравнение, которое можно решить. А это не так. Счастье - это не решение. Это процесс. - Она помолчала. - Может быть, вы его научите.

- Я не знаю, как учить счастьем, - ответил Том.

- Никто не знает. Но иногда достаточно просто быть рядом.

- О чём вы думаете? - спросил Айзен, не оборачиваясь.

Том вздрогнул. Учитель редко спрашивал о таких вещах - он вообще редко спрашивал о чём-то личном.

- О ней, - честно ответил Том. - О том дне, когда она пригласила меня на чай. В марте. Вы были в Бирмингеме.

Айзен долго молчал. Дождь стучал по крыше автомобиля. Дворники скрипели.

- Она всегда была добрее меня, - сказал он наконец. - Я думал, что это слабость. А это была сила. - Он повернулся и посмотрел на Тома. - Я никогда не говорил ей этого. За пятнадцать лет - ни разу.

Том не нашёлся, что ответить. Он просто кивнул.

Автомобиль ехал дальше. Оксфорд приближался.

Оксфорд встретил их тем же дождём, что и Лондон, только здесь он был холоднее и пронзительнее. Серые камни колледжей блестели в тусклом свете, туман стелился над рекой Червелл, и шпили терялись в низких облаках. Улицы были почти пусты - суббота, студенты либо спали, либо разъехались на выходные, - и автомобиль Бейкера катился по брусчатке, расплёскивая лужи.

Том попросил остановиться у моста Магдалины, не доезжая до колледжа.

- Почему здесь? - спросил Бейкер.

- Потому что если мы приедем на полицейском автомобиле прямо к воротам, все сразу поймут, что что-то случилось. А нам нужно, чтобы они не поняли. По крайней мере, пока мы не узнаем больше.

- Разумно, - сказал Айзен. В его голосе мелькнуло что-то похожее на одобрение - слабый отблеск прежнего Айзена, того, что учил Тома мыслить на три шага вперед.

Они вышли из автомобиля и пошли пешком. Мост Магдалины был скользким от дождя, и под ним медленно текла Червелл - серая, холодная, равнодушная. Том шагнул впереди, показывая дорогу. Он знал здесь каждый камень, каждый поворот - за два месяца колледж стал ему вторым домом.

Ворота колледжа были открыты. Двор был пуст - только фонтан журчал, и вода текла по ленте Мёбиуса, бесконечно переворачиваясь и возвращаясь к началу. Айзен остановился у фонтана и долго смотрел на него.

- Лента Мёбиуса, - произнёс он. - Символ бесконечности. И символ парадокса. Вы говорили, что здесь повсюду математика.

- Да, сэр. На скамьях - формулы. Теорема Пифагора, уравнение Эйлера, тождество Гаусса. Вон там, на спинке, - теорема о неподвижной точке.

Айзен подошёл к скамье, наклонился, прочитал высеченную надпись.

- «В любом непрерывном отображении замкнутого шара в себя существует точка, которая остаётся на месте». Брауэр. - Он выпрямился. - Неподвижная точка. То, что не меняется, даже когда всё вокруг приходит в движение. Вы знаете, что это метафора?

- Метафора чего, сэр?

- Истины. Истина - это неподвижная точка. Всё может вращаться, меняться, исчезать. Но истина остаётся на месте. Нужно только найти её.

Они вошли в главное здание. Вестибюль был пуст - субботняя тишина окутывала колледж, как ватное одеяло. За конторкой портье никого не было. Шаги гулко отдавались под сводчатым потолком. Пахло старым деревом, книжной пылью и воском для пола.

Том провёл Айзена и Бейкера в гостиную. Здесь было теплее - кто-то разжёл камин, и угли ещё мерцали алым. Шахматная доска стояла на своём месте, в углу, у окна. Фигуры были расставлены в начальной позиции - ровные ряды белых и чёрных, ожидающих первого хода. Партия, которая шла неделями, закончилась. Или была прервана.

Айзен подошёл к столику и долго смотрел на доску. Затем достал из кармана платок, развернул и положил чёрного коня на пустое место. Фигура встала идеально - как будто вернулась домой.

- Кто-то взял его отсюда, - сказал он. - Кто-то, кто бывает в этой гостиной. Кто-то, кого вы знаете.

- Я не знаю, кто играет по ночам, - сказал Том. - Никто не знает. Это местная загадка.

- Значит, узнаем. - Айзен повернулся к Бейкеру. - Мне нужен список всех, кто имеет доступ в эту гостиную. Студенты, профессора, прислуга. Все до единого.

- Это может быть длинный список, - заметил Бейкер.

- Значит, будем работать долго. Начнём с декана. Мистер Грейвз, проводите.

Кабинет декана находился на третьем этаже западного крыла, в башне, куда вела узкая винтовая лестница. Том поднимался первым, Айзен - за ним, Бейкер замыкал. Ступени были каменными, стёртыми посередине - поколения студентов и профессоров ходили здесь. На стенах висели портреты - Ньютон, Лейбниц, Гаусс, Гильберт. Давид Гильберт смотрел сурово, как будто знал, зачем они идут.

Дверь в кабинет была дубовой, массивной, с латунной табличкой: «Доктор М. Уинтроп. Декан». Айзен остановился и посмотрел на табличку.

- Уинтроп, - произнёс он. - Элино́р носила эту фамилию до замужества. Элино́р Уинтроп. Она говорила, что это старая оксфордская семья. Я думал, что это просто слова. Я не знал, что у неё есть родственник в Оксфорде. Она никогда не рассказывала.

Он постучал. Дверь открылась не сразу - прошло полминуты, затем послышались шаги, и на пороге появился декан.

Маркус Уинтроп был высок и сутул - выше, чем Том помнил. Копна седых волос, которую он, казалось, никогда не причёсывал, торчала в разные стороны. Лицо его было узким, с резкими чертами, которые делали его похожим на хищную птицу - сокола или ястреба, - но глаза за стёклами золотых очков были спокойными, даже усталыми. На нём была профессорская мантия, хотя была суббота и занятий не было. Мантия была старой, с потёртостями на локтях и пятном от чернил на левом рукаве - видимо, он работал, даже когда никто не видел.

- Инспектор Айзен, - сказал декан. Это был не вопрос. - Я ждал вас.

Айзен прищурился.

- Откуда вы знаете, кто я?

- Я читал газеты. «Таймс» печатала ваш портрет после дела в Йоркшире. - Уинтроп отступил в сторону, придерживая дверь. - Проходите. И ваш спутник тоже. Мистер Грейвз, кажется?

Том вздрогнул. Декан знал его имя. Но, в конце концов, он был деканом - он знал всех студентов.

Кабинет декана был огромным - гораздо больше, чем можно было ожидать, глядя на дверь. Высокие стрельчатые окна выходили на запад, и в ясную погоду отсюда, наверное, был виден весь Оксфорд до самого горизонта. Но сегодня за окнами был только дождь и туман. Книжные полки от пола до потолка, заставленные фолиантами в кожаных переплётах - золотое тиснение на корешках поблёскивало в свете настольной лампы. Огромный письменный стол, на котором царил идеальный порядок - ни одной лишней бумаги, ни одной пылинки. На столе стояла шахматная доска - не такая, как в гостиной, а дорогая, с фигурами из чёрного и белого мрамора. Партия была в разгаре.

За спиной декана висела картина - та самая спираль, уходящая в бесконечность, которую Том видел в кабинете Лэнга. А на стене, напротив окна, висел портрет Давида Гильберта - с суровым лицом и усами, как у моржа. Точно такой же портрет висел в отеле «Гильберт» в Йоркшире, только этот был лучше сохранившимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.